

ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

УДК 94 (481)
94(47).027

ДВЕ «КАРЬЕРЫ» ФУНКЦИОНЕРОВ РАННЕГО ГОСУДАРСТВА: ВОЕВОДА СВЕНЕЛЬД И ХЁВДИНГ ТОРОЛЬВ КВЕЛЬДУЛЬВССОН

© 2013 г.

А.С. Шавелев

Институт всеобщей истории РАН, Москва

alexis-schavelev@mail.ru

Поступила в редакцию 15.12.2013

Проводится историко-социологическое сравнение «карьер» функционеров двух ранних государств князя Игоря Рюриковича и конунга Харальда Прекрасноволосого второй половины IX – первой половины X вв. – древнерусского воеводы Свенельда и норвежского хёвдинга Торольва. В обоих случаях речь идет о возвышении людей, не связанных кровным родством с правителем. В обоих случаях два члена окружения правителя получают «фьеф/лен в виде дани». Свенельд и Торольв были функционерами раннего государства, оба были частью системы «институализированного рэкета» – основанного на сборах контрибуций и регулярных даней. Конечно, на единичном примере нельзя делать генеральные выводы о характере всего общественного строя: Русь и Норвегия не были феодальными на тот момент, но игнорировать «феодальный характер» конкретной социальной связи князей Рюриковичей и Свенельда, Харальда и Торольва тоже нельзя. Перед нами явные эмбриональные формы раннефеодального социума.

Ключевые слова: феодализм, фьеф / лен в виде дани, Древняя Русь, средневековая Норвегия, Игорь Рюрикович, Свенельд, Лют Свенельдич, Мстиша Свенельдич, Харальд Прекрасноволосый, Торольв Квельдульвссон, Эгиль Скаллаграмссон, «Сага об Эгиле», исландские родовые саги, «Повесть временных лет», «Древнейшее сказание», раннее летописание, раннее государство, историческая социология.

Несмотря на то что дискуссии о «феодализме» как глобальном социально-политическом феномене и «феодальности» тех или иных ранних обществ сейчас зашли в методологический тупик и фактически прекратились [1], можно констатировать, что некоторое практическое, прикладное понимание «феодальных отношений» у исследователей все же сохраняется. Это понимание в основном опирается на неустаревшие идеи А.Я. Гуревича [2, с. 189–242]; выводы политических антропологов [3] и востоковедов о «появляющемся и исчезающем» феодализме [4]; и, наконец, на яркое совпадение социальных процессов в разных странах во времена «феодальной революции» [5; 6], когда внешние войны «дружинного периода» окончательно сменяются жестким противостоянием знати остальному населению (ср. также [7], и конкретную реализацию похожих теоретических установок в исследовании А.П. Новосельцева [8]. Простое сопоставление выводов А.Я. Гуревича, постро-

енных на материале Западной и Северной Европы, и А.П. Новосельцева о процессах в странах Закавказья и Азии снимает многие надуманные проблемы, якобы возникающие при поиске социальной сущности феодальных отношений. Действительно, сложно сделать четкий вывод, была ли Русь [9] или, скажем, Норвегия [10; 11] «(ранне)феодальным» государством, и если была, то с какого времени; но вот диагностировать, некую «феодальную» характеристику в социальной ткани общества можно вполне уверенно и корректно. Именно об этом писал еще М. Блок: «...феодальная Европа никогда не была феодальной целиком... феодализм затронул те страны, в которых мы можем его наблюдать, в разной степени и существовал в них в разное время, ни одна из стран не была феодализована полностью...» [12, с. 433].

Собственно, точно так же мы вполне можем определить статус раба в некоем «обществе икс», при этом из этой констатации состояния раб-

ства нельзя индуктивно определить все общество как «рабовладельческое». Поэтому мы можем выявить «феодальный» характер конкретного общественного отношения, звена социальной коммуникации. Это будет личная (межличностная) связь между вышестоящим индивидом и его нижестоящим агентом, основанная на отношениях взаимного обмена личной преданности и службы на материальное пожалование и экстраординарное возвышение статуса. Причем эта личная связь не формализуется обычно-правовым образом как элемент традиционного общественного уклада и обычно не оформляется как форма родства. Данная личная социальная «коннекция» возвышает агента-клиента только решением правителя, она противопоставлена кровнородственным связям возвышаемого индивида, она чаще всего никак не связана со структурой рода (семьи) правителя.

Мы предлагаем рассмотреть с этой точки зрения два примера типичных «феодальных карьер» (термин Г.С. Лебедева [13, с. 60]; о «боярских карьерах» на Руси см. [14; 15]) функционеров периода самого первого этапа становления «раннего государства», которые относятся практически к одному и то же времени, ко второй половине IX – первой половине X в. на Руси и в Норвегии. Это две биографии, которые маркируют типологически близкий процесс запуска стартового механизма политогенеза. Речь пойдет о воеводе киевских князей Свенельде, действовавшем в промежутке с 920-х до 980-х гг. [16], и Торольве Квельдильссоне, лендрманне конунга Харальда Прекрасноволосого, во второй половине IX – начале X в. [17]. Поскольку есть все основания считать даты «Повести временных лет» и Новгородской первой летописи младшего извода, отражающей предшествующий «Начальный свод», искусственными, можно согласиться со специалистами, что деятельность князей Рюриковичей протекала в конце IX–X вв. [18; 19]. Признание этого сейчас вполне очевидного факта практически само собой снимает проблему «долгожительства» Свенельда.

По отдельности биографии Свенельда и Торольва исследовались под самыми разными углами зрения, но, несмотря на поразительное сходство, «социальные истории» этих двух людей никогда не оказывались предметом компаративного анализа.

Биография Свенельда нам относительно хорошо известна по раннему летописанию [20, с. 109–110, 113, 123–125; 21, стб. 54–55, 58, 72–75; 16; 22]. Есть вероятность, что Свенельд упоминается не только в летописи, но еще в

византийских хрониках Иоанна Скилицы и Льва Диакона. Однако, согласно греческим историческим сочинениям, Свенельд погиб во время походов Святослава Игоревича, а по летописи он вернулся в Киев. Заметим, что если Лев Диакон сообщает, что один из вождей родов $\Sigma\phi\acute{\epsilon}\upsilon\kappa\epsilon\lambda\omicron\varsigma$ «пал», «упал навзничь», что может подразумевать только ранение, а не смерть, то Скилица однозначно констатирует, что $\Sigma\phi\acute{\alpha}\gamma\gamma\epsilon\lambda\omicron\varsigma$ был «убит» [23, р. 144; 24, р. 301, 304]: проблема упоминаний Свенельда в греческих текстах требует особого изучения. Поскольку есть все основания сдвинуть время деятельности Игоря Рюриковича в первую половину X в., деятельность Свенельда началась в промежутке между 920-ми и 940-ми гг., более точная датировка нуждается в специальном обосновании и не принципиальна для нашего «историко-социологического» анализа.

В Новгородской первой летописи младшего извода Свенельд назван «воеводой» князя Игоря, после того как Олег Вещий уходит в Новгород и Ладогу [20, с. 109], северный плацдарм рода Рюриковичей. Там в X в. всегда находился один из представителей этого княжеского рода – Святослав Игоревич, Владимир Святославич, дядя Владимира по матери Добрыня, Вышеслав Владимирович, Ярослав Владимирович.

Свенельд стал руководителем военных кампаний против соседних с Киевом славянских «племен» (политий-«славиний») древлян и уличей (угличей). Он успешно справился со своей задачей, хотя город уличей Пересѣчень (о его локализации см.: [25, с. 114]) пришлось осадить «три года». После этой кампании киевского князя уличи отселились с привычных мест обитания (южнее полян) на Днепре. Этот эпизод раннего русского летописания совпадает с историей массовой эмиграции целых коллективов из Норвегии во время «тирании» Харальда Прекрасноволосого. Свенельд получил от Игоря «дань» древлян и уличей. Возвышение Свенельда вызвало протест дружины Игоря: «се даль еси единому мужевѣ много... отрочи Свѣньлжи изодѣлися суть оружиемъ и порты, а мы нази...». По контексту дальнейших событий ясно, что Свенельд собирал дань для Игоря (который сохранил свое княжеское право на древлянскую дань), но получал какую-то часть дохода себе [16, с. 52].

В летописных известиях каких-либо признаков особого примордиального «родового» статуса Свенельда в этот период не отмечается. По каким-то причинам Свенельд не принимал участия в походах князей Олега и Игоря на Византию. От него в 944 г. не выставлялся посол при

заклучении мира с Византией. Свенельд не был «кормильцем»-воспитателем князей Рюриковичей (Игоря Рюриковича опекал Олег, Святослава Игоревича – Асмунд, Ярополка – скорее Блуд, чем Свенельд). Можно предполагать, что он выдвинулся в качестве покорителя уличей и древлян, а затем администратора-сборщика дани. Свенельд сумел сделать так, что его «отроки» по итогам сбора дани «...изодѣлися суть оружиемъ и порты...», при этом недовольства древлян его деятельностью не спровоцировала. Свенельд и Асмунд поддержали княгиню Ольгу и малолетнего Святослава в войне против древлян после гибели Игоря Рюриковича [26, с. 89]. Свенельд вместе со Святославом участвовал в войнах с Византией и вместе с князем заключил договор с греками 971 г. [21, стб. 72]. Причем Свенельд в летописи определен как «воевода отень» [20, с. 123] у Святослава. После поражения Свенельд ушел «на конехъ» в Киев, а Святослав погиб.

Позже князь Олег Святославич по каким-то причинам убил сына Свенельда Люта, причем, видимо, потому, что тот «Свенельдич». Здесь возможны разные вероятные объяснения причин конфликта: ситуативная ссора двух молодых мужчин; конкуренция за землю древлян, где раньше собирал дань Свенельд, а затем княжил Олег, или, что уже более гипотетично, месть Олега Святославича Свенельду за предательство князя Святослава, которого он бросил на порогах (ср.: [27, с. 348–359, 377–383; 28, с. 79–82; 26, с. 82–84, 125]). Свенельд подговаривал Ярополка пойти войной на Олега. Олег погиб. После чего Ярополк эмоционально выговорил Свенельду, показывая на труп брата: «язь се ты сего хотяше» [20, с. 125]. Свенельд больше не появляется на страницах раннего летописания [20, с. 124–125]. Уход Свенельда со сцены древнерусской политики укладывается в промежуток между 977 и 980 гг. [16, с. 54].

Надо добавить, что место проживания Свенельда – Киев. У него было как минимум два сына – М(и)стиша и Лют. Причем М(и)стиша, судя по всему, дожил до XI в.: он был одним из информаторов первых летописцев (см. ниже) [16, с. 57; 29, с. 118–119, 122–123].

Заметно, что роль Свенельда повышается в экстремальных ситуациях – первой войне с самыми близкими к Киеву славянскими «племенами» и проигрышной кампании Святослава на Балканах. Свенельд не входит в число князей-Рюриковичей, не имеет своего посла в договоре 944 г., у него нет своей собственной крупной отдельной территории. Когда он собирал дань, древляне сохраняли свою княже-

скую организацию. А.В. Соловьев абсолютно прав, что Свенельд – «не князь и не посадник» [16, с. 51]. Несмотря на то что он получил дань с древлян от князя Игоря, при Святославе Игоревиче эта территорию отходит к сыну Святослава Олегу (именно в этом обычно видят подоплеку конфликта Люта Свенельдича и Олега Святославича).

Считать позицию «воеводы» Свенельда как второго человека после князя Игоря не представляется корректным, воевод у князя могло быть несколько. Так, воеводой Владимира Святославича в раннем летописании назван Волчий Хвост, хотя второй человек при Владимире – дядя Добрыня, при этом Владимир еще может обещать воеводе Блуду Ярополка «место отца» в своем окружении [21, стб. 70, 76–77, 79, 83–84]. При Святославе Свенельд – «воевода отца», т.е. Игоря, это, возможно, значит, что у Святослава был еще свой воевода (воеводы). При Ярополке исключительный статус Свенельда, добившегося смерти брата киевского князя Олега Святославича, обусловлен уже его опытом, заслугами и возрастом.

«Феодалная карьера» норвежца Торольва Квельдульвссона описана в подробностях в «Саге об Эгиле», которая создана в начале XIII в., но полностью посвящена событиям второй половины IX–X вв. В саге рассказывается о нескольких поколениях семьи знаменитого воина и скальда исландца Эгиля, сына Скаллагрима [30, р. IX–XVI; 31]. История Торольва с точки зрения социологии раннего государства эпохи викингов кратко, но исключительно точно была проанализирована Г.С. Лебедевым [13, с. 59–62].

Торольв перепробовал все основные социальные роли своего времени, которые могли бы его возвысить. Сначала он стал викингом. Потом вопреки совету своего богатого и влиятельного в среде бондов отца решил войти в «хирд» (“*hird*”) конунга Харальда Прекрасноволосого. Отец Квельдульв (Ульв-Вечер) и брат Торольва Скаллаgrim (Грим-Лысина) принципиально отказывались служить конунгу Харальду. Торольв видел в этой службе шанс выдвинуться, уйти из «племенной» и семейной иерархии. Его брат Скаллаgrim, наоборот, считал, что служба конунгу – это нарушение родовых связей, попытка обмануть судьбу и стать неправомерно социально выше, чем их отец: «Я не буду лендрманном (“*lendrmaðr*”) при жизни отца, потому что он будет мой господин (“*ufirmaðr*”), пока жив» [32, S. 16; 33, с. 28], отвечает он на предложение служить конунгу.

Торольв отреагировал на такое же предложение противоположным образом: «Мне точно

известно, что в его (Харальда. – А.Щ.) дружине (“hird”) – самые выдающиеся мужи. Я очень хочу попасть в их число, если только они пожелают меня принять. Этим мужей уважают больше, чем кого бы то ни было здесь в стране. Про конунга мне рассказывали, что нет его щедрее на дары своим людям и что он не скупится, когда возвышает и наделяет властью тех, кто ему кажется достойным. И напротив, я слышал, что ничего хорошего не выходит у тех, кто поворачивается к конунгу спиной и не хочет дружески расположить его к себе. Одни из них бегут из страны, а другие делаются слугами (“leigumaðr”)...» [32, S. 18–19; 33, с. 30].

Торольв с командой викингов (20 гребцов) отправляются к Харальду, чтобы стать «хирдманом» (hirdmaðr). Их размещают в «доме для гостей» (“gestaskáli”). Т. е. сначала они получили статус гостей конунга, затем их представили Харальду, и наконец, Торольв стал «хирдманом», поступив служить (“þjónusta”) конунгу. Вступление в дружину-«хирд» было первым этапом карьеры, затем дружинник мог стать лендрманном (“lendrmaðr”). Термин и стоящий за ним социальный институт проанализирован А.В. Циммерлингом [34, с. 36–75]. Институт лендрманнов сложился в начале XI в., первый лендрманн Хрои Белый упоминается в «Круге Земном» Снорри Стурлусоном в середине X в. [35, с. 94], как раз чуть позже истории Торольва. Оговоримся, что, возможно, при Харальде Прекрасноволосом и не существовал *terminus technicus* “lendrmaðr”, это не значит, что социальная практика пожалования кормлений отсутствовала как инструмент власти. В любом случае, в начале XI в. в описании Снорри Стурлусона это уже сложившаяся социальная страта [35, с. 190].

Таким лендрманном раньше становится друг Торольва Бард, до него попавший в военный контингент Харальда и уже заслуживший себе почетное место в дружинной иерархии. Харальд отпускает Барда домой, он получает «вейцлу» (“veizla”) и становится у себя дома хёвдингом (“höfðingi”). Этот важный момент, подчеркивающий, что статус бойца из непосредственного окружения конунга – только первый этап, который предшествует превращению дружинника в представителя конунга в какой-нибудь области, чаще всего у себя же на малой родине.

Торольв занимает в «хирде» место Барда. Можно догадываться, что его появление как бы «освобождает» Барда от работы непосредственно в военном отряде конунга. Бард же, в свою очередь, сменяет своего отца – лендрманна Брюньольва, который собирал дань для конунга.

Торольв выдвигается в дружине конунга на войне, он сражается на носу корабля конунга. Торольв участвует в знаменитой битве при Хаврсфьорде, в которой Харальд окончательно сломил сопротивление старой родовой элиты разных областей [35, с. 51–52]. В битве был смертельно ранен его сотоварищ Бард, перед смертью Бард завещал свое имущество и жену не родственникам, а Торольву как «товарищу» (“félagi”) и родичу (“frændi”). Для Барда социальная связь – «дружба» с Торольвом, сложившаяся «при дворе» конунга – основной приоритет. В итоге Торольв становится на место Барда, перейдя из статуса члена дружины «хирдмана» в статус лендрманна и сюслуманна (“sýslumaðr”). Конунг Харальд передает «вейцлу» Барда (а ранее Брюньольва) Торольву и их право ездить торговать в «Финнмарк». У Торольва собирается «группа последователей» (“sveit”). Он укрепляет свой статус на новом месте, женившись на вдове Барда Сигрид. Торольв резко увеличивает количество сборщиков дани до 90 человек, при норме 30 человек или меньше, затем он успешно налаживает контакты с «финнами» и уничтожает конкурентов-колбягов [32, S. 30–37; 33, с. 36–39]. Он устанавливает контакты со своими могущественными соседями (“stór-maðr”). В итоге Торольв становится «человеком власти» (“ríkr maðr”). Торольв, как было положено лендрманну, готовит регулярные пиры («вейцлу») для конунга Харальда.

Когда на первый пир прибывает Харальд, оказывается, что с конунгом приехали 360 человек, а Торольв пригласил 600. После пира Торольв дарит конунгу боевой корабль, символически возвращая дар конунга: Харальд перед его отъездом из дружины как раз подарил ему корабль [32, S. 32, 38; 33, с. 36, 40]. Харальд радуется подарку, не замечая пока, что отдав «симметричный» дар, Торольв символически поставил себя на уровень могущества своего «патрона».

Против Торольва начинают интригу сыновья первого лендрманна области, где управляет Торольв, Бьёргольва – сводные братья Брюньольва, отца Барда. Обвинения против Торольва выдвинуты следующие: «Он и силен, и красив. У него есть и дружина (“hird”), как у конунга. У него огромное богатство, даже если бы он владел только тем, что принадлежит ему самому. А ведь он пользуется еще и чужим добром, как своим собственным...».

Торольв же продолжил наращивать свою клиентелу и развивать связи с финнами-квеннами. Он подчеркивает, что остается верен конунгу как его лендрманн, но не стал бы его

рабом (“þræll”). После клеветнического оговора разгневанный конунг Харальд предлагает Торольву снова стать его «хирдманом», т.е. вернуться в предыдущий статус [32, S. 50.; 33, с. 48]. Но у Торольва теперь есть свои «люди дома» (“húskarl”), он отказывается распускать свой отряд (“sveit”) и становится опять хирдманом. Заметим, что профессиональные дружинники, которые не переходят в статус самостоятельных агентов конунга на местах, упоминаются в тексте саги – это братья Сигтрюг Быстрый и Халльвард Суровый. Они служат конунгу, у них есть большой отряд, но они не являются лендрманнами, или сборщиками дани, не управляют своими владениями, а «...выполняли все поручения конунга как внутри страны, так и за ее границами. Они много раз бывали в опасных делах, убивая людей или отбирая у них имущество по приказу конунга...». У них не было «дружеских связей» в стране, но конунг их «очень ценил» [32, S. 54–55; 33, с. 51]. Таковыми были и берсерки, которых вряд ли можно было использовать в административном аппарате. Порученцы конунга выполняли специальные задания (“sendiferð”, поездки с поручением). Взаимоотношения внутри «боевого комитета» предводителя остаются архаичными: для воинов правитель – старший товарищ, они составляют его квазисемью [36, с. 104–147; 37; 38, с. 12–64; 39, с. 134–138]. Но, как видно из текста «Саги об Эгиле», быть дружинником не всем, даже способным воинам, очень уж нравилось. Социальная оценка в норвежском и исландском обществе исполнителей приказов конунга была не слишком высокой, в саге братья Сигтрюг и Халльвард выставлены в несколько сатирическом свете.

В результате Торольв теряет область, которую получил от конунга, и перебирается во владения, доставшиеся ему от тестя Сигурда. С ним уходят «его люди», вольноотпущенники и рабы. У него сохраняются налаженные связи с финнами-квенами. Торольв сам стал содержать своих людей, он мог выставить больше 100 вооруженных воинов: он снова стал викингом, нападая на людей конунга. В отместку Харальд осаждает Торольва в его доме и собственноручно убивает. Харальд применяет контролируемое насилие: он предлагал Торольву сдаться, готов простить его на определенных условиях, после гибели Торольва не нападает на его родственников. Харальд позволил похоронить Торольва, готов выплатить за него вергельд родичам, пытается привлечь на свою службу родного брата Торольва Скаллагрима. Харальд назначает нового лендрманна на ме-

сто Торольва, который берет в жены дважды вдову Сигрид.

Мы видим, что Свенельд и Торольв начали карьеру у правителя на самом первом этапе становления «раннего государства». Оба, видимо, не были членами «правлящего рода». Они не были воспитателями, т.е. квазиродственниками, связанными с княжеским родом искусственным родством. У Харальда наставником был «брат матери» Гутхорм, у Игоря – Олег, у Святослава Игоревича – Асмунд. И Свенельд, и Торольв были функционерами раннего государства, оба были частью системы «институализированного рэкета» – основанного на сборах контрибуций и регулярных даней. Оба не претендовали на статус князя/конунга, хотя имели для этого все возможности. Обоих обвиняли в присвоении огромного богатства и исключительном обогащении своих людей («отроки Свенельда» и «хускарлы Торольва»).

Свенельд и Торольв за свою работу получили от правителя классический «фьеф / лен, состоящий только из дани» [11, с. 234–235, 247; 29, с. 118–119, 122–123]. Свенельд и Торольв уже не были дружинниками, обслуживающими правителя, которых правитель кормит и содержит через награждение подарками. Их отношения с вышестоящим лицом являлись не только и не столько отношениями вождя и его воина (дружинника), основанными на обмене даров на службу. Заметим, что Торольв отказался вернуться в статус «хирдмана» и снова работать простым «боевиком» конунга. Свенельд не выполнил правила обычного дружинника оставаться во что бы то ни стало со своим вождем: он покидает князя Святослава Игоревича на порогах Днепра и уходит в Киев с частью войска. Перед нами новый для варварского общества тип социальных отношений. И эта социальная связь носит отчетливо феодальный характер. Конечно, на единичном примере нельзя делать выводы о характере общественного строя. Русь и Норвегия не были «раннефеодальными» на тот момент, но и игнорировать «феодальный характер» конкретных социальных связей «Игорь / Святослав / Ярополк и Свенельд» и «Харальд и Торольв» тоже нельзя. Перед нами явные эмбриональные формы раннефеодального социума.

У Свенельда и Торольва на каком-то этапе богатство стало как минимум соизмеримым с ресурсами их правителя. Их людям завидовали дружинники правителя. У обоих были кризисы взаимоотношений с правителем-«патроном». Торольв некоторое время гасил гнев конунга богатыми подношениями. Свенельд «пережил» первый кризис отношений с правителем, види-

мо, из-за гибели Игоря и войны с древлянами, где он был необходим. Но финал карьеры у обоих был идентичен – Свенельд «превысил» свои полномочия, организовав месть за своего сына Люта, спровоцировал князя Ярополка убить брата Олега Святославича. Обстоятельств смерти Свенельда мы не знаем, но эмоциональная сцена между ним и князем Ярополком говорит, что вряд ли финал его жизни был благополучным. Торольв же был убит Харальдом Прекрасноволосым, заподозрившим, что Торольв хочет создать свое независимое мини-государство. Кстати, Свенельд и Торольв теоретически могли «приватизировать» свои «ленные» земли, дав начало классической развитой феодальной форме собственности, но это им не удалось.

У Свенельда и Торольва остались потомки, которые сохранили высокое общественное положение. Именно потому, что у нас есть основания полагать, что истории жизни Свенельда и Торольва были донесены до первых книжников их непосредственными потомками, мы можем быть относительно уверены, что позднейшие известия об их «карьерах» (пусть и в трансформированном по законам родового предания виде) вполне достоверны. Семья – отец и брат Торольва – эмигрировали в Исландию. Племянник Торольва Эгиль стал одним из самых знаменитых исландцев: именно он был источником информации о перипетиях отношений Торольва со знаменитым конунгом Харальдом Прекрасноволосым. Сын Свенельда М(и)стиша – известная персона в XI в. и один из информаторов автора «Древнейшего сказания»/«Древнейшего свода» – ядра раннего русского летописания.

Статья подготовлена в рамках фундаментальных исследований ОИФН РАН «Нации и государство в мировой истории». Проект «Становление государственной инфраструктуры в Античности и в Средневековье (компаративное исследование)»

Список литературы

1. Феодализм: понятия и реалии / Под ред. А.Я. Гуревича, С.И. Лучицкой, П.Ю. Уварова. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2008. 277 с.
2. Гуревич А.Я. Избранные труды. Древние германцы. Викинги. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2007. 352 с.
3. Баландые Ж. Политическая антропология. М.: Научный мир, 2001. 203 с.
4. Васильев Л.С. Феномен феодализма (новый взгляд на старую проблему) // Общественные науки и современность. 2007. № 6. С. 148–161.
5. Duby G. *Guerriers et paysans (VII–XIIe siècle): Premier essor de l'économie européenne*. Paris: Gallimard, 2003. 308 p.
6. Бессмертный Ю.Л. «Феодальная революция» X–XI веков? // Вопросы истории. 1984. № 1. С. 22–29.
7. Кобищанов Ю.М. Теория большой феодальной формации // Вопросы истории. 1992. № 4–5. С. 57–72.
8. Новосельцев А.П. Генезис феодализма в странах Закавказья (Опыт сравнительно-исторического исследования). М.: Восточная литература, 1980. 286 с.
9. Свердлов М.Б. Феодализм на Руси X–XIII вв. // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. L. СПб., 1996. С. 322–330.
10. Gurevich A. *The Early State in Norway* // *The Early State* / Ed. by H.J.E. Claessen and P. Skalnik. (Studies in Social Sciences № 32). Hague–Paris–N.Y.: “Mouton Publisher”. 1978. P. 403–423.
11. Гуревич А.Я. Избранные труды. Крестьянство средневековой Норвегии. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2006. 368 с.
12. Блок М. Феодальное общество. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. 504 с.
13. Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1985. 285 с.
14. Свердлов М.Б. Генеалогия в изучении класса феодалов на Руси XI–XIII вв. // *Вспомогательные исторические дисциплины*. Т. XI. Л., 1979. С. 222–227.
15. Стефанович П.С. Князь и бояре: клятва верности и право отъезда // Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С. Древняя Русь. Очерки политического и социального строя. М., 2008. С. 218–267.
16. Соловьев А.В. Был ли Владимир Святой правнуком Свенельда? // Записки русского научного института в Белграде. Вып. 16–17. Белград, 1941. С. 35–64.
17. Krag K. *The Early Unification of Norway* // *Cambridge History of Scandinavia*. Vol. I. Prehistory to 1520. Cambridge, 2003, P. 185–189.
18. Цукерман К. Перестройка древнейшей русской истории // У истоков русской государственности: Ист.-археол. сб. СПб., 2007. С. 343–351.
19. Гиппиус А.А. До и после Начального свода: ранняя история Руси как объект текстологической реконструкции // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама. М.–Вологда, 2012. С. 37–62.
20. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. III. 720 с.
21. Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры. М., 1997. Т. I. 496 с.
22. Артамонов М.И. Воевода Свенельд // Культура Древней Руси: посвящается 40-летию научной деятельности Н.Н. Воронина. М., 1966. С. 30–35.
23. Leonis Diaconi. *Caloënsis Historiae Libri Decem et liber de velitatione bellica Nicephori Augusti* / Rec. C.V. Hasii. Bonnae: “Impensis ed. Weberi”, 1828. 628 p.
24. Ioannis Skylitzae. *Synopsis Historiarum* / Rec. I. Thurn. Berolini – Novi Eboraci, 1973. 358 p.

25. Щавелев А.С. Русы / росы в Восточной Европе: модель инвазии и некоторые особенности интеграции в мире восточных славян (вт. пол. IX–X в.) // Уральский исторический вестник. 2013. № 1 (38). С. 111–121.
26. Карпов А.Ю. Княгиня Ольга. М.: Молодая гвардия, 2009. 376 с.
27. Фроянов И.Я. Рабство и данничество восточных славян. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1996. 512 с.
28. Карпов А.Ю. Владимир Святой. М.: Молодая гвардия, 1997. 446 с.
29. Михеев С.М. Кто писал «Повесть временных лет»? М: Индрик, 2011. 280 с.
30. Egils Saga / Ed. by Bjarni Einarsson. "Viking Society for Northern Research". L., 2003.
31. Hermann Pálsson. Egils saga Skallagrímssonar // Dictionary of the Middle Ages. T. IV. Croatia – Family Sagas, Iceland. "Charles Scribner's Sons", New York, 1984. P. 402–403.
32. Egils Saga Skalla-Grímssonar / F. Jónsson (Altnordische Saga Bibliothek № 3). "Verlag von Max Niemeyer". Halle, 1924.
33. Исландские саги / Под ред. О.А. Смирницкой и М.И. Стеблин-Каменского. Т. I. СПб.: Летний сад, 1999. 831 с.
34. Циммерлинг А.В. Имена норвежских лендрманнов по «Кругу Земному» и «Саге о Хаконе Старом» // Именослов. Историческая семантика имени. Вып. 2 М., 2007. С. 36–75.
35. Снорри Стурлусон. Круг Земной. М.: Ладомир, 1995. 688 с.
36. Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М.: Прогресс, 1987. 384 с.
37. Enright M.J. Lady with a Mead Cup. Ritual, Prophecy and Lordship in European Warband from La Tène to the Viking Age. Dublin: Four Courts Press, 1996.
38. Фетисов А.А., Щавелев А.С. Викинги между Скандинавией и Русью. М.: Вече, 2013. 336 с.
39. Юшков С.В. Эволюция дани в феодальную ренту в Киевском государстве в X–XI веках // Историк-марксист. 1936. № 6. С. 134–138.

**TWO "CAREERS" OF EARLY STATE FUNCTIONARIES:
VOEVODA SVENELD AND HOFDING THOROLF KVELDULVSSON**

A.S. Shchavalev

The paper presents a historical and sociological comparison of the careers of two functionaries in the two early states of Prince Igor Rurikovich and King Harald Fairhair, which existed in the second half of the 9th – the first half of the 10th century. These functionaries were the Old Russian "voevoda" Sveneld and the Norwegian hofding Thorolf. Sveneld and Thorolf were functionaries of the early state, both were part of the "institutionalized racketeering", based on indemnities and regular tributes. Both did not claim the status of a prince or king, although they had all the opportunities for this. Both were accused of embezzling vast wealth and exceptional enrichment of their people. Sveneld's and Thorolf's wealth was at least commensurate with the resources of their respective patrons. Both had crises in their relations with the king. Their relations with their superiors were not only and not so much the relations between a leader and his man-at-arms, based on the exchange of gifts for the service. It was a new type of social relations in barbaric society. This social relationship had a distinctly feudal character. Russia and Norway were not feudal at the time, but the "feudal essence" of this particular social relationship between Rurikid princes and Sveneld and between Harald Fairhair and Thorolf cannot be ignored. We are obviously dealing with embryonic forms of early feudal society.

Keywords: feudalism, fief in the form of tribute, Old Rus', medieval Norway, Igor Rurikovich, Sveneld, Lut Sveneldich, Mstisha Sveneldich, Harald Fairhair, Thorolf Kveldulvsson, Egil Skallagrímsson, "Egil's Saga", the Icelandic Family Saga, "Primary Chronicle", "The Oldest Tale", early Russian chronicles, early state, historical sociology.